

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы
VII Конвента РАМИ

**РЕСУРСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТЕКСТА**

28–29 сентября 2012 г.
МГИМО–Университет

УДК 327
ББК 66.4
Р43

Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста (Материалы VII Конвента РАМИ 28–29 сентября 2012 г.): Научное издание / Отв. ред. А. В. Мальгин. — Аспект Пресс, 2012. — 330 с.

ISBN 978–5–7567–0684–0

Издание представляет собой сборник статей, которые были подготовлены модераторами и сотрудниками Исполнительного комитета VII Конвента РАМИ, а также выступающими на пленарном заседании. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались на Конвенте. Сборник открывает серию публикаций по итогам VII Конвента РАМИ.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0684–0

© МГИМО (У) МИД России, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Торкунов. Международная среда: стимул и источник модернизации	5
С. А. Рябков. Внешнеполитические ориентиры России: вклад в международную повестку	10
А. Ю. Мельвиль. Качество институтов как приоритет модернизации	16
А. Д. Воскресенский. Мировые стратегии великих держав	32
И. Н. Платонова. Международная конкурентоспособность России в условиях глобального кризиса	50
Е. С. Бирюков. Глобальные дисбалансы и задачи модернизации экономики России	68
А. В. Мальгин. Многосторонние отношения и многосторонние институты: опыт типологизации	80
А. А. Орлов. Роль ООН в глобальном управлении	91
М. Л. Энтин. От романтизма к реализму в европейском интеграционном развитии	98
М. М. Лебедева. Россия в современных интеграционных проектах: роль социально-гуманитарного ресурса	126
А. А. Байков. Экономическая интеграция в СНГ: вклад России	134
В. В. Наумкин. « Арабская весна »: временные пределы феномена	147
М. Ю. Дубовикова. Сравнительный анализ событий в Ираке и Ливии: последствия для России	158
Т. В. Зонова. Креативность дипломатии: императив международной среды	168
Т. А. Алексеева. Стратегическая культура – контекст принятия внешнеполитических решений	173
М. А. Мунтян. Полилог цивилизаций – феномен глобализирующегося мира	187
А. В. Шестопал, М. В. Силантьева. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов	204
О. В. Гаман-Голутвина. Современный политический класс: теоретические подходы к интерпретации	212
М. С. Василевская, И. А. Томашов. Концепция политической культуры	220

<i>С. Г. Лузянин. КНР: попытка внешнеполитического прогнозирования</i>	231
<i>В. И. Салыгин, В. М. Красногорский. Энергетическая безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы международного сотрудничества</i>	239
<i>А. В. Шашкова. Международные и внутригосударственные аспекты борьбы с коррупцией. Корпоративная коррупция</i> ...	248
<i>Д. В. Иванов. Международная защита лиц, перемещенных внутри страны. Региональный уровень</i>	258
<i>Р. А. Алиев. Политика устойчивого развития: пример Азербайджана</i>	266
<i>С. М. Хенкин. Испанская полития перед новыми вызовами</i>	276
<i>С. В. Шилов. НАТО: методология концепций</i>	286
<i>В. И. Мироненко. Исторический и политический контексты российского влияния в Украине</i>	306
<i>В. В. Воротников. «Балтийский путь»: прошлое и настоящее</i>	315
<i>М. М. Лебедева. Университет в сетевых отношениях современного мира</i>	322
Об авторах	327

А. В. Торкунов

МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА: СТИМУЛ И ИСТОЧНИК МОДЕРНИЗАЦИИ

Традиционно при формулировании темы конвентов мы стараемся сочетать в ней как устойчивые, фоновые составляющие, так и «модные» компоненты. Полтора года назад модернизация нам казалась именно таким компонентом. Сейчас ясно, что она переходит в разряд фоновых, но от этого не менее важных тенденций общественного развития. Скорее наоборот, мировые реалии заставляют задаться вопросом, насколько процессы модернизации могут упреждать негативное развитие событий в отдельных обществах, регионах, международной системе в целом.

Формально-организационная структура нашего Конвента явствует из его программы, содержательно же он охватывает три элемента:

- внешнеполитические ресурсы — как совокупность потенциала и инструментария, доступного государству для реализации внешнеполитических целей;
- модернизацию — процесс сознательного, часто вынужденного и, как правило, ускоренного по сравнению с характерной для общественных систем динамикой реформирования экономического, политico-правового, а зачастую и социокультурного укладов;
- международную среду — ограниченное доступными для практического анализа ретроспективой и перспективой состояние международной системы, ее региональных компонентов и функциональных сфер.

Если несколько упрощать ситуацию, то два года между прошлым и нынешним конвентами и два года до следующего — вот временные горизонты нашей сегодняшней дискуссии.

Российская практика внешнеполитического прогнозирования и планирования, к сожалению, уделяет не самое большое внимание оценке внешнеполитических ресурсов, считая их некоей константой. В этой ситуации даже при правильно сформулированных национальных интересах внешнеполитические цели становятся расплывчатыми и зачастую недостижимыми.

М. С. Василевская, И. А. Томашов

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сторонники концепции политической культуры утверждают, что она обращает внимание на важность символических и идейных аспектов политики, позволяя объяснить те причины политических действий и формы политического поведения, которые трудно поддаются анализу с помощью других теоретических и концептуальных подходов. Вместе с тем, зачастую именно этот факт является поводом для критики концепции политической культуры как «остаточной категории, используемой в удобных случаях для анализа того, что не может быть объяснено более точными и конкретными факторами»¹. Более того, данная концепция критикуется также за ряд методологических проблем, связанных «во-первых, с концептуализацией политической культуры, во-вторых, с ее операционализацией и, в-третьих, с возможностями использования полученных результатов для объяснения политических явлений и процессов»².

Таким образом, в политологическом дискурсе политическая культура является часто используемым, однако столь же регулярно оспариваемым понятием, что обуславливает необходимость его уточнения, а также рассмотрения «сильных» и «слабых» сторон концепции политической культуры. В данной работе будут прослежены идейные основания и история складывания данной концепции, рассмотрены различные подходы к исследованию политической культуры, приведена аргументация критиков политической культуры как инструмента политологического анализа, а также обращено внимание на особенности российского академического дискурса о концепции политической культуры и российской политической культуре в целом.

Истоки концепции политической культуры

В той или иной степени проблемы и вопросы, охватываемые концепцией политической культуры, затрагивались философами с самых первых опытов размышления о политической жизни. Так, древнегреческие философы Платон и Аристотель полагали, что распространение в обществе различных ценностных ориентаций

220

Концепция политической культуры

влияет на характер складывающихся политических систем и режимов. Аристотель связывал стабильность политического развития с существованием среднего слоя граждан, имеющего собственные ценностные приоритеты и сторонящегося различных крайностей³.

Также представляют интерес идеи, высказанные французским философом эпохи Просвещения Шарлем Луи Монтескье. Во-первых, он предположил, что законы политической жизни разных стран можно объяснить их природными особенностями и историческим опытом: «От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов»⁴. Во-вторых, он указывал на связь форм и принципов правления: так, при монархической форме правления основным принципом должна являться честь, при республиканской — добродетель, а при тиранической — страх⁵. Последователь Монтескье, автор книги «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль, также «изучал климат, религию, законы, принципы политического управления, обычаи и нравы американцев, постаравшись через описание сочетания данных факторов <...> передать общий дух наступающей новой демократической эры»⁶.

Первым, кто употребил словосочетание «политическая культура», считают немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера, изучавшего феномен наций, характер которых, по его мнению, определяется такими факторами, как природная среда, климат и география, а наиболее важными характеристиками являются наличие собственного языка, культуры и «духа»⁷. Не менее важный вклад в формирование современного понимания концепции политической культуры внес Жан-Жак Руссо, рассматривавший общественный договор как отказ индивидов от индивидуальных интересов в пользу интересов всего общества, воплощенных в реализуемой верховной властью Общей воле. При этом гарантией социальной солидарности в такой ситуации призвана выступать «гражданская религия» — убеждения, символы, ритуалы и институты, устанавливающие и поддерживающие чувство коллективной принадлежности и мобилизующие общество на достижение определенных политических целей⁸.

Сходную проблематику затрагивал в своих работах французский социолог Эмиль Дюркгейм, исследовавший вопросы колективного сознания и общественной солидарности. Дюркгейм полагал, что гарантией стабильного развития любой группы или общества в целом является наличие общего сознания — совокуп-

221

ности верований и чувств, разделяемых их членами. Такое коллективное сознание есть «нечто совсем иное, чем частные сознания, хотя оно осуществляется только в индивидах. Оно — психический тип общества, тип, имеющий свой способ развития, свои свойства, свои условия существования»⁹. Эти идеи, высказанные Дюркгеймом, стали одной из теоретических основ концепции политической культуры как системы символов и значений, связанных с осуществлением политической власти.

Наконец, значительное влияние на развитие политологии как науки в целом и складывание концепции политической культуры оказал немецкий ученый Макс Вебер, исследовавший феномен политической легитимности — положительной оценки, принятия населением власти, признания ее правомерности, права управлять и согласия подчиняться¹⁰. При этом «признается, что социокультурные нормы должны как-то отражать реальную политическую ситуацию, но и политическая власть, чтобы ей подчинялись, в свою очередь, должна соответствовать принятым в обществе культурным нормам»¹¹.

Разработка концепции политической культуры

Изначально на исследованиях культуры сфокусировались антропологи, а затем на стыке ряда гуманитарных наук сформировалась особая дисциплина, получившая название «региональные исследования» (*area studies*). Акцент на взаимосвязи между особенностями культуры и личностными характеристиками индивидов был сделан Брониславом Малиновским и Францем Боазем, рассматривавшими культуры в качестве динамических систем, существующих в определенном географическом, историческом и других контекстах¹². Также заметный вклад в культурные исследования внесли ученицы Боаза — автор опубликованной в 1934 г. книги «Модели культуры» Рут Бенедикт и Маргарет Мид. Для описания уникальных конфигураций различных элементов культуры Бенедикт использовала понятие «этос культуры», включая в него особенности множества сфер общественной жизни — социальных отношений, политики, экономики и других¹³.

Важный шаг вперед в исследовании психологии политической деятельности был сделан Гарольдом Лассуэлом, который заявлял о необходимости различения институтов и организаций

и действующих в их рамках индивидов, которые в своем поведении могут руководствоваться как предписанными им ролями, так и своими личными мотивами, при этом подменяя ими интересы общества¹⁴. Описывая же черты личности людей, склонных к демократическому стилю управления, он указывал на свойственное им сочетание доброжелательного отношения к другим людям, ориентацию на ценностный плюрализм, а также высокий уровень общественного доверия¹⁵.

Холодная война способствовала сохранению актуальности изучения специфики авторитарных и демократических режимов. Каковы причины того, что в одних странах граждане могут свободно выбирать политических лидеров и оказывать влияние на принятие политических решений, в то время как в других действуют репрессивные государственные институты? В поисках ответа на этот вопрос американские политологи Габриэль Алмонд и Сидней Верба разработали концепцию политической культуры. Как писал в своей статье «Сравнительные политические системы» Алмонд, «Каждая политическая система встроена в особую систему ориентаций по отношению к политическим действиям. Я полагаю, что эту систему можно называть политической культурой»¹⁶. При этом Алмонд подчеркивал, что типы политической культуры универсальны и могут быть схожими в разных государствах и обществах, а также разграничивал понятия политической культуры и общей культуры, признавая существование между ними определенной взаимосвязи, но в то же время обращая внимание на автономность политической культуры как сферы ценностных ориентаций в области политики¹⁷.

Наконец, в 1963 г. была опубликована книга Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданской культура: Политические ориентации и демократия в пяти странах», в которой была изложена концепция и типология политических культур, а также проведен их сравнительный анализ в нескольких странах. Алмонд и Верба в значительной степени опирались на теоретические и методологические разработки своих предшественников. Например, идеи Макса Вебера оказали влияние на представления о трех возможных измерениях политических ориентаций: рациональном, оценочном и бессознательном, первое из которых включает в себя различные концепции и модели политической жизни, а также идеологии, второе — политические ценности и моральные нормы, а третье — чувства и страхи, проявляющиеся в политическом поведении¹⁸.

Кроме того, в концепции политической культуры проявилось стремление сочетать положения структурного функционализма

и бихевиоризма — двух наиболее авторитетных в середине XX в. парадигм социальных наук. Согласно структурно-функциональному подходу, который использовал для анализа социальных процессов американский социолог Толкотт Парсонс, существование стабильного социального порядка обеспечивается наличием социальных институтов, определяющих нормы, ценности и ориентации индивидов. С другой стороны, бихевиористы полагали, что не менее важную роль в социальной жизни играют психологические факторы и индивидуальные особенности поведения людей. Алмонд и Верба же признавали как существование определенных культурных моделей на уровне групп и обществ, так и роль внеинституциональных факторов, влияющих на политические предпочтения граждан¹⁹.

В своем основанном на опросах общественного мнения исследовании политических установок граждан в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике Алмонд и Верба избрали в качестве «идеальных» типов политической культуры три ее формы: приходскую, подданническую и культуру участия²⁰. Приходская форма политической культуры характеризуется индифферентностью индивидов по отношению к политике, низкой политической активностью, отсутствием возможностей влиять на политическую жизнь. Подданнический тип политической культуры обуславливает большую степень политической социализации граждан, наличие у них представлений о существовании множества политических ролей и функций, однако при сохранении среди большей части населения политической пассивности и ограничении каналов влияния на правительство. Наконец, культура участия — это культура активной заинтересованности граждан в политике, хорошей информированности о политических событиях и процессах, а также стремления участвовать в деятельности политических институтов²¹.

По результатам своей работы Алмонд и Верба установили, что политические культуры Италии и Мексики можно отнести к приходскому типу, в Германии доминирует подданнический тип, а США и Великобританию отличает распространенность в обществе активистских установок. Вместе с тем, авторы исследования пришли к выводу, что идеальные формы политической культуры нельзя встретить в реальности в их чистом виде — политические культуры различных обществ обычно сочетают в себе различные элементы и установки. Более того, наиболее благоприятным для развития демократии является не активистский, а смешанный тип

Концепция политической культуры

политической культуры, который Алмонд и Верба охарактеризовали как «гражданскую культуру», в рамках которой «многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль подданных. <...> Смешение позиций, характерное для гражданской культуры, полностью “подходит” для демократической политической системы. Оно по многим своим параметрам наиболее соответствует такой смешанной политической системе, какой является демократия»²².

Таким образом, основная заслуга Алмонда и Вербы заключалась в попытке анализа политической культуры в качестве переменной, оказывающей влияние на особенности складывания политических систем и функционирования политических режимов. Политическая культура рассматривалась ими как относительно однородный и лишь в редких случаях подверженный значительным изменениям с течением времени комплекс установок и убеждений, лежащих в основе политической жизни обществ.

Исследования политической культуры

Развивая концепцию Алмонда и Вербы, исследователи обратили внимание на различные измерения политической культуры. Натан Лейтес, Дэниел Белл и Роберт Патнэм в своих работах изучали политические элиты, особенности групповой самоидентификации политиков, личностные факторы политического лидерства — эта область исследований получила название «политические культуры элит»²³. На стыке политологии, антропологии и истории были написаны работы, посвященные «этническим политическим культурам»²⁴, а также было проведено различение между политическими культурами, складывающимися на национальном уровне, и субкультурами различных общностей и групп.

В своей книге «Американский федерализм: взгляд из штатов», опубликованной в 1966 г., политолог Даниэл Элазар предпринял попытку сравнить политические культуры американских штатов, выделив три типа исторически сформировавшихся политических ориентаций их жителей: «моралистическую» культуру Новой Англии, «индивидуалистическую» культуру Среднеатлантического региона и «традиционистскую» культуру южных штатов. В дальнейшем в течение нескольких десятилетий Элазар продолжал работать над типологией политических культур, стремясь учесть различные варианты сочетания их элементов²⁵.

Важный вклад в развитие представлений о политической культуре внес американский антрополог и социолог Клиффорд Гирц, отвергнувший доминировавшее в первой половине XX в. толкование культуры как цельной модели и предложивший ее более динамичное понимание, основывающееся на понятии «социального действия»²⁶. Подход Гирца получил название «символической антропологии» и заключался в анализе символических аспектов социальной жизни и особенностей индивидуального восприятия значений социальных действий: «Ориентация в социальном пространстве предполагает наличие неких систем смыслов (свообразный культурологический эквивалент социологического понятия «ориентации»), конструируя которые мы опираемся на предшествующий культурный опыт»²⁷.

Гирц рассматривал идеологию как социально сконструированную «культурную систему», определяющую специфику осознания людьми своих интересов, их политические взгляды и принципы, которыми они руководствуются в своем поведении. «Гирц подчеркивал, что идеология — это общий контекст событий, поведений, институтов и процессов, а не причина (как предполагали идеалисты) или производная (как считали материалисты и бихевиористы) от социальной жизни, включая сферу политики»²⁸. Политическая культура при этом трактовалась как уникальная система значений, особая символическая структура, сложившаяся в результате конвергенции различных элементов культуры²⁹.

Будучи неоднозначно принятой в политологии, концепция политической культуры нашла отклик в сообществе историков, для которых «культура была “сложносоставным целым” социальной жизни»³⁰ и которые «не требовали научной строгости от заимствованной ими концепции»³¹. Политическая культура оказалась удобным инструментом описания существовавших в прошлом политических настроений, интеллектуальных традиций и идеологических дискурсов. Постепенно были найдены и точки соприкосновения с альтернативными объяснительными инструментами: исследователи приходили к выводам, что «культурные, институциональные и структурные факторы не вытесняют друг друга, а оказывают совместное влияние на политический процесс»³², а «конфликта между культурным подходом и теорией рационального выбора нет, потому что предпочтения акторов являются культурно предопределеными»³³.

Новое содержание концепции политической культуры придал социолог Рональд Инглхарт, выступивший с теорией об изменении

культурных норм и ценностных ориентаций в странах с высоким уровнем благосостояния и демократии. Проводя сравнительные межстрановые социологические опросы, Инглхарт пришел к выводу, что переход к постиндустриальной экономике и рост материального благополучия ведет к качественным социальным изменениям, в результате которых «ценностные приоритеты сдвигаются от стремления к обеспечению экономической и физической безопасности к акценту на индивидуальное самовыражение и качество жизни»³⁴. В политической сфере это выражается в том, что «люди с большим вниманием начинают относиться к таким вопросам, как демократическое участие в принятии политических решений, охрана окружающей среды и социальная справедливость»³⁵, становятся толерантнее по отношению к другим группам и готовы активно отстаивать свои права перед государством³⁶.

Также значимый вклад в понимание значения и роли политической культуры в политической жизни внес американский политолог Роберт Патнэм, разработавший концепцию «социального капитала». В своих книгах «Чтобы демократия работала: гражданская традиция в современной Италии» и «Боулинг в одиночку: упадок и возрождение социального капитала в Америке» Патнэм обратил внимание на важность горизонтальных социальных связей, межличностной коммуникации и общественного доверия для успешного демократического развития. Выявляя причины различий в общественной поддержке и эффективности функционирования региональных правительств в Италии, Патнэм пришел к выводу, что одним из ключевых факторов, определяющих качество государственного управления, является наличие «укорененных традиций гражданского вовлечения — явки на выборах, чтения газет, членства в хоровых обществах и литературных кружках, благотворительных и футбольных клубах»³⁷.

Наконец, еще одна попытка изучения политического значения культурных факторов связана с именем Самюэля Хантингтона, выдвинувшего в 1990-е годы концепцию «столкновения цивилизаций», а также выступившего в роли соредактора опубликованной в 2000 г. книги «Культура имеет значение: как ценности определяют прогресс человечества». По мнению Хантингтона, в мире после окончания холодной войны «фундаментальные причины конфликтов больше не ограничиваются идеологическими и экономическими факторами. Источником раскола человечества и большей части конфликтов становится культура»³⁸. При этом общество со сходными культурами

стремятся к большей интеграции, в то время как значение цивилизационных различий усиливается, и наиболее интенсивный характер приобретают конфликты, разгорающиеся на границах цивилизаций — «наи высших культурных объединений и обладающих общей идентичностью сообществ, определяемых на основании таких элементов культуры, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификации людей»³⁹.

Таким образом, политическая культура является важным измерением политической жизни государств и обществ. Политическая культура находится в динамическом взаимодействии с другими политическими явлениями и способна прямым или опосредованным образом влиять на ход политических процессов. И хотя точное эмпирическое верифицирование специфики политической культуры не всегда возможно в связи с нематериальной природой этого феномена, политическая культура может и должна изучаться в политической науке наряду с другими факторами, определяющими особенности политических отношений в обществе.

Политическая культура неоднородна — она всегда состоит из множества элементов, а также можно выделить ее различные структурные составляющие — ориентации по отношению к политической системе в целом, ориентации по отношению к текущей политике, ориентации по отношению к процессу принятия политических решений и ориентации по отношению индивида к себе как субъекту политики⁴⁰. Значение политической культуры обуславливается функциями, которые она выполняет в политической жизни. Политическая культура способствует формированию групповой идентификации и интеграции, облегчает политическую социализацию и коммуникацию, а также задает рамки нормативного регулирования политического поведения⁴¹.

¹ Formisano R. The Concept of Political Culture // The Journal of Interdisciplinary History. 2001. No 3. Vol. 31. P. 399.

² Малинова О. Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // ПОЛИС. Политические исследования. 2006. № 5. С. 107.

³ Доватур А. И. Политика Аристотеля // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 38–52 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/intro.php.

⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.montesk.info/article/pro.html>.

⁵ Там же.

⁶ Стрежнева М. В. Политическая культура в различных интерпретациях: анализ специального понятия // Общественные науки и современность. 2002, № 5. С. 141–154. С. 143.

⁷ Хейвуд Э. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 132–133.

⁸ Olick J., Omelchenko T. Political Culture // International Encyclopedia of the Social Sciences. 2nd ed. N.Y.: Gale Group, 2007. P. 300.

⁹ Цит. по: Добренков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. М.: Академический проект, 2005 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/.

¹⁰ Пугачев В. П. Политология. Указ. соч. С. 81.

¹¹ Стрежнева М. В. Указ. соч. С. 145.

¹² Там же. С. 489.

¹³ Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/index.php.

¹⁴ Pye L. W. Op. cit. P. 490–492.

¹⁵ Olick J., Omelchenko T. Op. cit. P. 301.

¹⁶ Almond G. Comparative Political Systems // The Journal of Politics. 1956. No 3. Vol. 18. P. 396.

¹⁷ Ibid. P. 396–397.

¹⁸ Стрежнева М. В. Указ. соч. С. 149.

¹⁹ Olick J., Omelchenko T. Op. cit. P. 301.

²⁰ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Гражданское общество в России. Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf. В оригинале эти типы политической культуры охарактеризованы как «*parochial*», «*subject*» и «*participant*». В различных переводах на русский язык встречаются также термины «парохиальная», «подданическая», «локальная» политическая культура для определения ее первого типа, «пассивная», «традиционная» — второго, и «активистская», «активная» — третьего.

²¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры [I] // Полития. 2010. № 2 (57). С. 135–136.

²² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии...

²³ Pye L. W. Op. cit. P. 501–502.

²⁴ Formisano R. Op. cit. P. 397.

²⁵ Gendzel G. Op. cit. P. 231.

²⁶ Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/girc_interpritacija/.

²⁷ Малинова О. Ю. Указ. соч. С. 110.

²⁸ Gendzel G. Op. cit. P. 235.

²⁹ Olick J., Omelchenko T. Op. cit. P. 302.

³⁰ Gendzel G. Op. cit. P. 233.

³¹ Ibid. P. 239.

³² Formisano R. Op. cit. P. 403. См. также: Elkins D., Simeon R. A Cause in Search of Its Effect, Or What Does Political Culture Explain? // Comparative Politics. 1979. No 2. Vol. 11. P. 127 – 145.

³³ Pye L. W. Op. cit. P. 506.

³⁴ Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. No 1. Vol. 65. P. 22.

³⁵ Стрежнева М. В. Указ. соч. С. 151.

³⁶ Inglehart R. Globalization and Postmodern Values // The Washington Quarterly. 1999. No 1. Vol. 23. P. 223.

³⁷ Putnam R. Social Capital and Public Affairs // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. 1994. No 8. Vol. 47. P. 8.

³⁸ Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. No 3. Vol. 72. P. 22.

³⁹ Ibid. P. 24.

⁴⁰ Пугачев В. П. Указ. соч. С. 476 – 477.

⁴¹ Там же. С. 477 – 478.

С. Г. Лузянин

КНР: ПОПЫТКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Осенью 2012 г. начнется очередная смена поколений на партийном уровне. XVIII съезд КПК утвердит ключевые фигуры в партийном руководстве — прежде всего, нового Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Из нынешнего состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК останутся только Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Остальные 7 членов этого органа покинут его. На государственном уровне обновление продолжится в 2013 – 2014 гг., после очередной (весенней) сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП). Эксперты называют кандидатуру будущего премьера Госсовета КНР — Ли Кэцяна, вместо нынешнего — Вэнь Цзяоба. Новые лица возглавят ключевые министерства, ВСНП и другие структуры.

Фигура нового Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, которому в 2012 г. исполнилось 59 лет, вызывает в мире большой интерес. К власти придет человек, родившийся после 1949 г., уже в «новом» Китае. Человек, формирование которого как политика пришлось не на годы великой дружбы с СССР, не на разрушительный период культурной революции, а на эпоху «реформ и открытости», когда Китай начал продвижение в мировые лидеры.

В связи с обновлением китайского руководства возникает естественный вопрос о том, как и на каких принципах будет дальше строиться внешняя политика нового поколения руководителей, появятся ли новые акценты и направления в этой политике?

Геополитические сценарии

В настоящее время в китайской geopolитике присутствуют два ключевых компонента, которые находятся в определенном (скрытом) противоречии друг другу. С одной стороны, сохраняют свою силу базовые внешнеполитические принципы Дэн Сяопина, заложенные в 1990-е годы, — «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность» и др.

С другой стороны, после выхода в 2010 г. Китая на второе место в мире (после США) по показателю ВВП (по текущему валютному